

УДК 94(87)"199"

И. И. Дубонос

Белорусский государственный университет

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1990-Х ГГ. В ВЕНЕСУЭЛЕ
(АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

В статье рассматриваются мнения американских исследователей по социально-экономическому кризису 1990-х гг. в Венесуэле. Автор характеризует различные школы, направления в описании причин, характера и итога кризиса, его связи с процессами в политических элитах Венесуэлы, указывает на достоинства и недостатки различных подходов и их актуальность в условиях тех социально-экономических вызовов, перед которыми стоит сегодняшняя Венесуэла.

Автором статьи выделяются два взаимоисключающих подхода, характерных для современной венесуэлистки. В рамках первого, восходящего к идеям исследователей Д. Хеллингера, Э. Ландера, Л. А. Фиерро и др., истоки социального кризиса видятся в кризисе экономическом, а того – в ошибочной экономической модели, реформировать которую не давало венесуэльское общество. Альтернативный подход, ярко выраженный в работах Д. Г. Левина, источником проблем видит саму политическую систему, в которой кризисные явления проявились еще в середине 1980-х гг., и сама суть которой (склонность к компромиссам, опора на широкую поддержку населения, коррупция и nepotism) не позволила «малой кровью» разрешить социальные и экономические проблемы. Делается вывод о принципиальной неразрешимости указанного спора в современных условиях.

Ключевые слова: Венесуэла, историография, социально-экономический кризис, боливарианизм, новые левые, неолиберализм, этатизм.

I. Dubanos

Belarusian State University

**ECONOMIC AND SOCIAL CRISIS OF 1990S IN VENEZUELA
(AMERICAN HISTORIOGRAPHY ON SUBJECT)**

The objective of the paper is to consider points of American researchers on economic and social crisis of 1990s in Venezuela. The author describes different schools of thought, different trends in describing reasons, character and outcome of crisis, its ties with the processes in Venezuela's political elites and states advantages and disadvantages of different schools and their actuality in contemporary conditions.

The author denotes two mutually exclusive approaches, that as representative in contemporary studies. The first one, based on works of D. Hellinger, E. Lander, L. A. Fierro, etc., witness sources of social crisis in economic crisis, caused by erroneous model of nation's economy which can not be fixed due to Venezuela's society. Alternative approach, brightly stated by D. Levine, seek the root of problems in political system which entered crisis in mid 1980s with its essence (compromise seeking, reliance on wide popular support, corruption and nepotism) depriving of possibilities to solve social and economic problems cutting out losses. The conclusion of impossibility of final end of this brawl is made.

Key words: Venezuela, historiography, economic and social crisis, bolivarianismo, new left, neoliberalism, statism.

Введение. Венесуэла – одна из наиболее удивительных стран Латинской Америки. Имеющая стабильный и комфортный климат, неисчислимы богатства недр, сравнительно низкую плотность населения, отличающаяся практически полным отсутствием серьезных внутренних «линий разломов», эта страна, казалось бы, предназначена для процветания. В реальности современная Венесуэла стала источником беженцев, страной, где уровень жизни упал до показателей, скорее характерных для Тропической Африки.

Нельзя сказать, что такое состояние типично для Венесуэлы. Как минимум дважды – в начале

1980-х и середине 2000-х гг. – страна была богатейшей в своем регионе и пыталась стать образцом для Латинской Америки, примером успешного «третьего пути». При этом если расцвет боливарианской Венесуэлы происходил на наших глазах, то первый взлет и крах Венесуэлы пришлось на последние годы Советского Союза и практически не известен в нашей науке.

Вместе с тем американские ученые еще в 1990-е гг. изучали первый венесуэльский социально-экономический кризис, связанный с крахом нефтеэтатистской социально-экономической модели (подробная характеристика этой модели и обстоятельств кризиса была сделана

в работе И. И. Дубоноса «Нефтеэкономическая социально-экономическая модель в Венесуэле (1970-е – п. п. 1980-х гг.)» [1]).

Их цель заключалась в определении того комплекса причин, который привел не столько к кризису как таковому (влияние падения цен на нефть здесь никем не оспаривалось), сколько к ограниченности, несвоевременности и недостаточности ответов на кризисные явления со стороны правящих элит, и который, в конечном итоге, привел к падению режима представительной демократии и установлению режима V республики – боливарианской популистской диктатуры.

Таким образом, цель настоящей работы – показать разработанность проблемы социально-экономического кризиса 1990-х гг. в Венесуэле, охарактеризовать основные направления в историографии этого вопроса и сформулировать комплексное понимание характера кризиса.

Основная часть. Несмотря на то, что первые признаки социально-экономического кризиса в Венесуэле начали проявляться еще в середине 1980-х гг., лишь к концу этого десятилетия научное сообщество осознало, что кризис носит глубокий, системный характер.

Так, Э. Люсена в своей опубликованной в 1990 г. статье «Неолиберальная гибкость в Венесуэле» [2] доказывал, что нормализация государственных расходов и меры по стимулированию частной инициативы сумеют вывести страну из затяжного кризиса. Автор при этом не указывал, что считает падение цен на нефть проблемой: проблема не в том, что денег мало – их достаточно, если их правильно тратить.

Несколько более пессимистичной была позиция Дж. Эвелл в написанном ею разделе «Венесуэла после 1930 г.» в VIII томе «Кембриджской истории Латинской Америки» (1991 г.).

Она указывала, что «после 1982 г. венесуэльский экономический рост стал отрицательным, а инвестирование практически прекратилось» [3, с. 986], тем самым окончательно похоронив практику «нефтефикации проблем». Она связывала кризис с тем, что денег от нефтяных доходов стало меньше, чем было необходимо для поступательного развития экономики, которая теперь «сдувалась» в условиях нехватки инвестиций, обеспечиваемых с 1970-х гг. преимущественно государством. Дж. Эвелл указывала, что «реформисты надеются, что они смогут продолжить “сеяние нефти”» [3, с. 790], и видела в повышении цен на нефть единственный выход из кризиса.

Вместе с тем известный исследователь М. Коппедж, разрабатывая партократическую концепцию политической системы Венесуэлы, в своей статье 1994 г. «Перспективы демократического режима в Венесуэле» указал, что политика

«сеяния нефти» столкнулась с двумя политически-индуцированными проблемами – коррупцией и одержимости контролем [4, с. 66].

Коррупция приводила к тому, что средства не доходили до предприятий реального сектора, а также к потере контроля плановых органов за развитием экономики – бюрократический аппарат не действовал в соответствии с интересами государства, но защищал свои позиции, предоставляя государственные фонды тем экономическим агентам, которые были наиболее лояльны проводимой политике, а не тем, которые действительно могли дать отдачу с вложенных средств, – что вело к попыткам обеспечить контроль за счет дальнейшей бюрократизации, что лишь еще больше усугубляло и без того тяжелую ситуацию. Таким образом, М. Коппедж поднял вопрос о принципиальной осуществимости политики «сеяния нефти» в рамках сложившейся в Венесуэле социально-политической системы.

Одновременно с ним Л. Саламанка показал кризис рентистской модели в Венесуэле, указав, что Венесуэла «долгие годы выбирала между необходимостью строительства производящей экономики и более справедливым распределением благ» [5, с. 10]. Венесуэльский автор считал, что рентизм был предопределен стремлением к «справедливости», когда личная инициатива подавлялась налоговым режимом и удушающим контролем государства. Кризис рентизма, таким образом, стал социальным кризисом, так как высвобожденная частная инициатива стала генерировать все более очевидный разрыв между богатством и бедностью.

Свое видение предложил Д. Хеллингер. Он указывает, что венесуэльская экономическая модель «требует скорее улучшения, нежели отказа от опыта популистской демократии и нефтяного национализма» [6, с. 9]. Под «улучшением» Д. Хеллингер понимал расширение использования рыночных механизмов, привлечение иностранных инвестиций в нефтяную отрасль, отказ от широких государственных интервенционистских программ [6, с. 7–9].

Несложно заметить, что улучшение по Хеллингеру является ничем иным, как структурной перестройкой; иначе говоря, он отрицает принципиальную возможность дальнейшего развития в рамках государственно-автаркического капитализма.

Критика рентистской модели экономики, впрочем, стала мейнстримом в середине 1990-х гг. Так, Дж. Л. Маккой и У. К. Смит резко критиковали «модель рантье» [7, с. 126]. Они, изучая венесуэльский кризис в общелатиноамериканском контексте, также предлагали решение, которое в 1990-е гг. виделось универсальным, –

неолиберализм. Государственно-центричную модель они считали не плохой, а не соответствующей требованиям времени: она обеспечила рынок в 1960-е – 1970-е гг., но в новую эпоху превратилась в тормоз экономического развития.

Вместе с тем неолиберальные реформы вызвали серьезные социальные изменения, что привело к появлению ряда работ, изучающих эти изменения и анализирующих их влияние на осуществление экономической политики государства. А. Ангелл и К. Грэхем в написанной в 1995 г. статье «Может ли реформа социального сектора сделать перестройку (adjustment) устойчивой и справедливой» [8] сконцентрировали свое внимание на сопутствующих неолиберальной перестройке экономике социальных изменениях в Чили и Венесуэле.

Они указали, что социальная незащищенность населения возрастает в период осуществления неолиберальных реформ, поскольку «реформы в социальном секторе имеют задержку по сравнению с реформами в других секторах» [8, с. 216], и далее «ирония Венесуэлы в том, что десятилетия нефтяного богатства уничтожили любое ресурсное ограничение на создание социальных сервисов» [8, с. 217]. В результате в случае Венесуэлы «макроэкономическим реформам противостояли массовые народные движения» [8, с. 217], которые были вызваны нежеланием граждан терять привычные социальные гарантии (что являлось необходимым для проведения неолиберальных реформ). Как следствие, экономические реформы вели к социальной нестабильности.

Схожим образом социальный фактор оценивали Э. Ландер и Л. А. Фиерро в своем материале «Влияние неолиберальной перестройки в Венесуэле, 1989–1993» [9]. Они указывали, что «с ограничением институциональных механизмов реакция и сопротивление [неолиберальным реформам] осуществились маргинальным образом» [9, с. 68] и «восстание февраля 1989 г., так называемое “Каракасо” <...> [равно как и] широкая (пусть и пассивная) общественная поддержка попытки переворота в феврале 1992 г. были <...> внеинституциональными ответами <...> на усиливающуюся дезинтеграцию политической системы, которая когда-то казалась исключительной из-за ее стабильности» [9, с. 68].

Им вторил социолог из Теннесси (США) К. Вейланд в своей статье «Крестьяне или банкиры в Венесуэле? Популярность президента и одобрение реформ в Венесуэле, 1989–1993 гг.» [10]. Он, опираясь на разработанную в США социологическую теорию, выделял два типа поведения людей – ориентированных на будущее «банкиров» и ориентированных на прошлое «крестьян» [10, с. 342] – и задавался вопросом,

какое поведение характерно для венесуэльцев. Он пришел к выводу, что венесуэльцы, хотя и ориентированы в будущее, оценивают результаты «президентской деятельности не по макроэкономическим улучшениям, а по микроэкономическому воздействию, которое они оценивают, как неудовлетворительное» [10, с. 352]. К. Вейланд считал, что падение популярности правительством К. А. Переса было вызвано именно таким отношением, когда люди не были готовы жертвовать своим доходом *сейчас* ради выхода из кризиса *потом*. Тем самым он постулировал принципиальную неосуществимость масштабной неолиберальной программы в Венесуэле.

Таким образом, в историографии существовало понимание цугцванга, в котором оказалось правительство Венесуэлы – оно должно было проводить радикальные экономические преобразования в неолиберальном духе, но те вызвали общественное возмущение, что вело к потере популярности правительства, его падению – и цикл повторяется, с новым, пришедшим к власти с популистскими лозунгами правительством. Эту цикличность в развитии Венесуэлы 1990-х гг. верно подметил венесуэльский социолог Ф. Гонсалес в 1997 г., указав, что «[пришедший к власти в 1994 г. Р.] Кальдера (как <...> [К. А.] Перес в период своего второго президентства [1989–1993 гг.]) стал проводить экономическую политику, противоположную тому курсу, который был декларирован им в ходе предвыборной кампании» [11, с. 35–36].

Сложилась интересная ситуация, когда политики приходили к власти, говоря народу то, что он хочет услышать, но делали то, что нужно для спасения национальной экономики в условиях низких цен на нефть. В результате происходила резкая потеря доверия населения к своим избранникам, поскольку люди видели, что те делают совсем не то, что обещают: им обещали лучшую жизнь, а предложили политику «социальной солидарности» [11, с. 41], которая переносила основную тяжесть экономического кризиса на беднейшие слои населения.

По этому поводу представляется небезынтересным процитировать крупнейшего российского исследователя Э. С. Дабагына, который в 1997 г. проницательно заметил, что «[неолиберальную] модель общество отвергло» [12, с. 76], и далее сделал крайне интересное утверждение, что «страна взяла на вооружение социально-ориентированную неолиберальную модель» [12, с. 76]. «Социально-ориентированный» в одном предложении с «неолиберальный» – это оксюморон, но именно так со стороны выглядела модель, которую пытались строить в Венесуэле в президентство Р. Кальдеры. Неудивительно, что реформы его правительства в итоге

оказались безуспешными, поскольку им не хватало решительности и последовательности; вместе с тем социальная ориентированность не смогла сохранить жизненный уровень населения, и доверие к правительству постоянно падало.

Неслучайно североамериканский исследователь Т. Л. Карл называл эти реформы реформами «стой-иди» и жестко критиковал их за непоследовательность [13, с. 185]. Сегодня в историографии признано, что те слои общества, которые разделяли этатистский идеал, и стали основой социальной поддержки любой оппозиции неолиберальным реформам.

Таким образом, к концу 1990-х гг. в американской венесуэлистике сложилось убеждение, что существующая экономическая модель не способна обеспечить развитие, а внедрению другой модели активно противостоит венесуэльское общество. Особенно ярко этот подход представлен в статье 1998 г. «Уроки экономической реформы в венесуэльской демократии» Б. Ф. Криспа [14]. Он указывал, что в Венесуэле в 1970-е гг. возник автаркический капитализм, среди характеристик которого ключевыми являются две – «сильное присутствие государства» [14, с. 9] и истекающее из него «институционализированное участие» [14, с. 8] экономических агентов в распределении благ. Институционализированное участие экономических агентов подразумевало распределение благ, имеющихся у сильного государства, посредством специфических институтов, в работе которых участвуют представители как экономических агентов, так и государства [14, с. 9–12]. Это вело, в свою очередь, к тому, что государственное финансирование получали те агенты, которые демонстрировали «заинтересованность в защите политического режима и его стратегии развития» [14, с. 13], поскольку в этих институтах роль представителей государства была решающей, так как именно государство предоставляло ресурсы агентам, а не наоборот. В результате экономическая политика утратила механизмы обратной связи, контроля над эффективностью инвестиций, что предопределило глубокий социально-экономический кризис, который нельзя было «нефтефицировать», если говорить словами Дж. Эвелл.

Помимо рассмотренных здесь, схожие идеи примерно в то же время высказали и другие авторы, такие как Г. Филип [15], М. Виктория Мурильо [16] и иные.

У этого подхода нашлись и оппоненты. В частности, Д. Г. Левин в 2002 г. в первом из

своих десяти тезисов указал, что «упадок и коллапс старого порядка не был предопределен <...> характером нефтяной индустрии или “нефтегосударством” (petro state)» [17, с. 253].

Он считал, что экономический кризис был вызван общим изменением мировой экономики, роль Венесуэлы в которой претерпевала определенные изменения в 1990-е гг., и, соответственно, недостатки модели государственного капитализма, существовавшей с 1970-х гг., не могут рассматриваться как причина социально-политического кризиса.

Ему вторила М. Лопес Майя, которая, проанализировав так называемое «Каракасо» – народное восстание февраля 1989 г., – пришла к выводу, что это был «масштабный протест общества, которое не имело адекватных каналов для того, чтобы быть услышанным в коридорах власти» [18, с. 135–136].

Для этих ученых именно политический кризис является первичным, вызвавшим массовые вспышки насилия со стороны общества и не позволившим решить экономические проблемы тогда, когда они только начинались. Позже Д. Г. Левин в соавторстве с К. Ромеро написал статью «Городские движения и бесправие в Перу и Венесуэле» [19]. В ней он пришел к выводу, что с появлением в Венесуэле дееспособной боливарианской политической элиты общественные движения, хотя и не исчезли, превратились в статистов на национальном политическом поле [19, с. 72].

Заключение. Таким образом, в современной венесуэлистике по данному вопросу существуют два взаимоисключающих подхода. В рамках первого истоки социального кризиса видятся в кризисе экономическом, а того – в ошибочной экономической модели, реформировать которую не дает венесуэльское общество. В рамках второго подхода первичным считается политический кризис, который не позволил «малой кровью» разрешить социальные и экономические проблемы. Чтобы дать итоговый ответ, необходимо провести глубокое исследование действий правительств 1980-х гг., которые, если исходить из позиции сторонников Д. Г. Левина, могли провести ограниченные и при этом успешные институциональные реформы в экономической сфере. В случае, если будет доказано, что они имели возможность провести институциональные реформы без коренной ломки социальной системы, позиция Д. Г. Левина и М. Лопес Майи окажется верной. В противном случае более оправданными будут выглядеть идеи Б. Ф. Криспа.

Литература

1. Дубонос И. И. Нефтеэтатистская социально-экономическая модель в Венесуэле (1970-е – п. п. 1980-х гг.) // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского

государственного университета, 15–18 мая 2013 г., Минск: в 3 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 316–319.

2. Lucena H. La flexibilización neoliberal en Venezuela // *Nueva Sociedad*. 1990. Vol. 110. P. 152–159.
3. Ewell J. Venezuela since 1930 // *The Cambridge History of Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 727–790.
4. Coppedge M. Perspectivas de la gobernalidad democrática en Venezuela // *América Latina Hoy*. 1994. Vol. 8. P. 63–72.
5. Salamanca L. Venezuela. La crisis del rentismo // *Nueva Sociedad*. 1994. Vol. 131. P. 10–19.
6. Hellinger D. Introduction [to the Postbonanza Venezuela] // *Latin American Perspectives*. 1996. Vol. 23. № 3. P. 3–9.
7. McCoy J. L., Smith W. C. Desconsolidación o reequilibrio democrático en Venezuela // *Nueva Sociedad*. 1995. Vol. 140. P. 18–32.
8. Angell A., Graham C. Can Social Sector Reform Make Adjustment Sustainable and Equitable? Lessons from Chile and Venezuela // *Journal of Latin American Studies*. 1995. Vol. 27. No. 1. P. 189–219.
9. Lander E., Fierro L. A. The Impact of Neoliberal Adjustment in Venezuela, 1989–1993 // *Latin American Perspectives*. 1996. Vol. 23. No. 3. P. 50–73.
10. Weyland K. Peasants or Bankers in Venezuela? Presidential Popularity and Economic Reform Approval, 1989–1993 // *Political Research Quarterly*. 1998. Vol. 51. No. 2. P. 341–362.
11. Гонсалес Ф. «Задачи Венесуэлы»: истоки, проблемы, перспективы // *Латинская Америка*. 1997. № 1. С. 34–43.
12. Дабагян Э. С. Неолиберализм и популизм: опыт одной страны (социально-политические аспекты) // *Латинская Америка*. 1997. № 1. С. 68–77.
13. Karl T. L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. University of California Press, 1997. 364 p.
14. Crisp B. F. Lessons from economic reform in the Venezuelan Democracy // *Latin American Research Review*. 1998. Vol. 33. No. 1. P. 7–41.
15. Philip G., Murillo L. El Estado y el problema de la legitimación democrática en Venezuela bajo el sistema “Punto Fijo” // *Foro Internacional*. 2004. Vol. 44. No. 1 (175). P. 150–169.
16. Victoria Murillo M. Del populismo al neoliberalismo: sindicatos y reformas de mercado en América Latina // *Desarrollo Economico*. 2000. Vol. 40. No. 158. P. 179–212.
17. Levine D. H. The Decline and Fall of Democracy in Venezuela: Ten Theses // *Bulletin of Latin American Research*. 2002. Vol. 21. No. 2. P. 248–269.
18. López Maya M. The Venezuelan “Caracazo” of 1989: Popular Protest and Institutional Weakness // *Journal of Latin American Studies*. 2003. Vol. 35. No. 1. P. 117–137.
19. Levine D. H., Romero C. Movimientos urbanos y desempoderamiento en Peru y Venezuela // *América Latina Hoy*. 2004. Vol. 36. P. 47–77.

References

1. Dubonos I. I. Social and economic model of petrostate in Venezuela (1970-s – early 1980-s). *Sbornik radot 70-y nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 15–18 maya 2013 g., Minsk: v 3 ch. Ch. 2* [Digest of works of 70-th scientific conference on students and PhD students of the Belarusian State University, 15–18 of May, 2013, Minsk: in 3 ch. Ch. 2]. Minsk, Izd. centr BGU Publ., 2013. Pp. 316–319.
2. Lucena H. La flexibilización neoliberal en Venezuela. *Nueva Sociedad*, 1990, vol. 110, pp. 152–159 (In Spanish).
3. Ewell J. Venezuela since 1930. *The Cambridge History of Latin America*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. Pp. 727–790.
4. Coppedge M. Perspectivas de la gobernalidad democrática en Venezuela. *América Latina Hoy*, 1994, vol. 8, pp. 63–72 (In Spanish).
5. Salamanca L. Venezuela. La crisis del rentismo. *Nueva Sociedad*, 1994, vol. 131, pp. 10–19 (In Spanish).
6. Hellinger D. Introduction [to the Postbonanza Venezuela]. *Latin American Perspectives*, 1996, vol. 23, no. 3, pp. 3–9.
7. McCoy J. L., Smith W. C. Desconsolidación o reequilibrio democrático en Venezuela. *Nueva Sociedad*, 1995, vol. 140, pp. 18–32 (In Spanish).
8. Angell A., Graham C. Can Social Sector Reform Make Adjustment Sustainable and Equitable? Lessons from Chile and Venezuela. *Journal of Latin American Studies*, 1995, vol. 27, no. 1, pp. 189–219.
9. Lander E., Fierro L. A. The Impact of Neoliberal Adjustment in Venezuela, 1989–1993. *Latin American Perspectives*, 1996, vol. 23, no. 3, pp. 50–73.

10. Weyland K. Peasants or Bankers in Venezuela? Presidential Popularity and Economic Reform Approval, 1989–1993. *Political Research Quarterly*, 1998, vol. 51, no. 2, pp. 341–362.
11. Gonsales F. “Targets of Venezuela”: sources, problems, perspectives. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 1997, no. 1, pp. 34–43 (In Russian).
12. Dabagyan E. S. Neoliberalism and populism: experience of one country (social and political aspects). *Latinskaja Amerika* [Latin America], 1997, no. 1, pp. 68–77 (In Russian).
13. Karl T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. University of California Press, 1997. 364 p.
14. Crisp B. F. Lessons from economic reform in the Venezuelan Democracy. *Latin American Research Review*, 1998, vol. 33, no. 1, pp. 7–41.
15. Philip G., Murillo L. El Estado y el problema de la legitimación democrática en Venezuela bajo el sistema “Punto Fijo”. *Foro Internacional*, 2004, vol. 44, no. 1 (175), pp. 150–169 (In Spanish).
16. Victoria Murillo M. Del populismo al neoliberalismo: sindicatos y reformas de mercado en América Latina. *Desarrollo Economico*, 2000, vol. 40, no. 158, pp. 179–212 (In Spanish).
17. Levine D. H. The Decline and Fall of Democracy in Venezuela: Ten Theses. *Bulletin of Latin American Research*, 2002, vol. 21, no. 2, pp. 248–269.
18. López Maya M. The Venezuelan “Caracazo” of 1989: Popular Protest and Institutional Weakness. *Journal of Latin American Studies*, 2003, vol. 35, no. 1, pp. 117–137.
19. Levine D. H., Romero C. Movimientos urbanos y desempoderamiento en Perú y Venezuela. *América Latina Hoy*, 2004, vol. 36, pp. 47–77 (In Spanish).

Информация об авторе

Дубонос Игорь Игоревич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: idubonos@outlook.com

Information about the author

Dubanos Ihar – PhD student, Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: idubonos@outlook.com

Поступила 01.10.2019